

ПАМЯТЬ

ИТАР-ТАСС

“Де-е-евочка моя-я, синегла-а-азая”, — когда-то ему подпевала хором вся страна. Сумасшедшая популярность, первые строчки во всевозможных хит-парадах, беззаветная и отнюдь не безответная любовь этих самых “синеглазых девочек” — в конце 80-х у баловня судьбы длинноволосого красавца Жени Белоусова, казалось, было все, о чем только можно мечтать. Непрекращающиеся запой, нищета, целый букет болезней: воспаление поджелудочной железы, инсульт, нарушение мозгового кровообращения, а в конце концов серые стены Склифа, 40 дней комы и жуткая смерть — такова оказалась расплата за мимолетный успех. Стремительный взлет и жестокое падение. Между ними не прошло и десяти лет...

Сегодня Жене, которому так и не суждено было стать Евгением, исполнилось бы всего сорок лет. В этот день мы попросили рассказать о певце двух, пожалуй, самых главных женщин его жизни: одна сделала его звездой, другую он любил всю свою жизнь.

40 лет КАК 40 ДНЕЙ

Любовь Воропаева: “Жалею, что Дорохин вовремя не стукнул кулаком по столу”

Успех трио: композитор Виктор Дорохин, поэт-песенник Любовь Воропаева и певец Женька Белоусов — в конце 80-х был просто фантастическим. Города в окошках поездов менялись с калейдоскопической скоростью — их везде ждал оглушительный успех. Пospать в самолете, перекусить в перерыве между концертами и оттянуться по полной во время ночных банкетов стало для певца нормой. Силы человеческие небеспредельны, но так сложно заставить себя остановиться, когда набран крейсерский ход.

— Витя пытался остановить этот дикий чes, говорил Белоусову, что надо заняться собой, отдохнуть, — вспоминает Любовь Воропаева. — Но Женька ничего и слушать не хотел. Нет, он не был меркантильным — просто эти гастроли, эти тусовки, эти дружеские посиделки для него были в кайф. В каждом городе столы, веселая компания, девчонки — что еще нужно молодому парню? Жене казалось, что так будет всегда. Как-то Дорохин ему сказал: “Женька, самую легкую часть пути мы с тобой прошли — поднялись на вершину. Но падать будет очень больно”.

Дорохин и Воропаева никогда не ездили со своим певцом на гастроли, но тем летом 1990 года решили изменить своим принципам. Уж больно Женька был плох. Уже тогда непрекращающиеся попойки с многочисленными друзьями превратили популярного исполнителя в самого настоящего алкоголика.

— Мы пытались уберечь Женю буквально от всего, — продолжает Любовь. — Возлились как с маленьким, следили едва ли не за каждым его шагом. Но это было выше наших сил. Помню, в Ленинграде между двумя сольниками Женька, изрядно напившись коньяка, прямо в концертном костюме уснул на банкетке. Витя увидел это, поднял его, начал трясти, кричал: “Ни один артист не имеет права лежать в концертном костюме!” Дальше — больше. На нескольких выступлениях во время исполнения его коронного танцевального номера — вертушки — Женю стало заносить. И Белоусов на своих концертах перестал танцевать — просто стоял у микрофона. Белоусов всякий раз извинялся, обещал, что такого больше не будет. Но на следующий день все повторялось вновь.

Третий и последний серьезный разговор у Дорохина с Белоусовым состоялся как раз 10 сентября 1990 года на Женином дне рождения. Собралась веселая компания. А когда гости разошлись, Дорохин попросил Воропаеву и Лену — жену Белоусова — выйти на кухню. Через полчаса мужчины вышли.

— Я смотрю: на Жене лица нет, идет — глаза прячет, — рассказывает Воропаева. — Дорохин сказал, чтобы я собиралась. А сели в машину, Витя мне говорит: “Все, мы с Женей больше не работаем”. А у Дорохина такой характер: если он чего-то решил, то решил окончательно. Это вообще, считаю, большая трагедия двух мужчин: ученик хотел доказать,

что превзошел учителя, а учитель остался недоволен своим любимым учеником. Женька ведь был для него как сын — я даже ревновала немного. Все время с ним, когда куда-то шли большой компанией: он с Белоусовым впереди, все остальные сзади... Как же я корю себя за то, что у Дорохина в свое время не хватило железной воли стукнуть кулаком по столу и сказать: “Все, гастроли заканчиваются”. Может, все бы обошлось.

Их следующая встреча оказалась и последней. За год до трагедии Дорохин и Воропаева столкнулись со своим беспечным учеником на дне рождения у Преснякова-старшего.

— Женька увидел нас и бросился через весь зал. Мы обнялись, расцеловались. Снова стали созваниваться, встречаться. Даже песню пытались записать. У меня сохранилась та запись: Женька был в состоянии неадекватном, ни в одну ноту попасть не мог. Летом 97-го мы с Витей отдыхали в Турции. А приехали — весь автоотвечник был заполнен сообщениями от знакомых: “Женька в коме, Женька в коме...” Было уже поздно.

Белоусов часто повторял: “Скажи, ты меня еще любишь?”

— Женька тогда еще работал у Бари Алибасова в “Интеграле”, — начинает свой рассказ Лена Белоусова. — Бари очень жестко следил за своими подопечными, буквально каждый шаг конт-

ролировал. Так Женька тайком сбежал с репетиционной базы, сел на самолет — и в Курск. Забегал ко мне в институт всего на полчаса и в тот же день улетал обратно. А однажды взял с собой на концерт в Одессу. И на следующий день скупил для меня чуть ли не весь местный рынок. Чуть ли не половину багажного отделения самолета заняли подарки. И все для меня...

Женька всегда куда-то спешил. Лена рассказывает, что во времена бесконечных поездок по стране ее муж успевал разве что прибежать домой, подтянуться на решетке к окну первого этажа, вручить ей флакон французских духов, поцеловать — и тут же уезжал на очередные гастроли.

— Нет, большие деньги его никак не испортили, — говорит Белоусова. — К ним он относился без всякого пиетета. Помогал всем, кому только мог. Часто повторял: “Если бы вдруг все разом отдала бы мне долги, я мог бы купить шикарную виллу на Канарах”. Но денег ему не возвращали. Наоборот: когда Белоусов попал в больницу, никто из так называемых друзей и копеечки не дал на лечение...

Несмотря на то что вскорости у Жени и Лены родилась дочь, их семейная жизнь не могла сложиться счастливо. Белоусов был натурой увлеченной, но во время гастролей ни одна мало-мальски симпатичная фанатка не могла ускользнуть от его внимания. Лена говорит, что на случайные связи своего мужа не обращала внимания. Но это она так только говорит. В один момент Лена просто устала прощать.

— Нет, серьезных романов у него не было, — уверяет Лена. — Женька больше любил просто потусоваться с ребятами. А девчонки-фанатки... Ну что: он уезжал на гастроли и на неделю, и на 20 дней. Конечно, эти малолетки сами вешались ему на шею. А какой мужчина, скажите, сможет удержаться? Нет, не это стало причиной разрыва. Просто Кристина пошла в школу, ее надо было рано будить, ждать с учебы. И я привыкла к определенному распорядку дня: вставать в одно время, ложиться. И чисто физически уже не могла жить в Женином ритме: с бесконечными шумными компаниями, друзьями,

ми, поездками... А он не мог остановиться. Или не хотел. В один прекрасный момент я сказала: “Все, с меня хватит”.

Лена уверена, что именно после их расставания Белоусов потерял всякий смысл в жизни. “Он лишился семьи, — говорит она, — самого дорогого, что может быть”.

— Он ведь не пил, когда был со мной — так, немного за дружеским столом, — говорит Белоусова. — А когда расстались — от горя запил. Иногда приходил ко мне просто так. Мог всю ночь просидеть на кухне и изредка лишь спрашивал: “Скажи, ты меня еще любишь?” Я любила. Но так ему ничего и не отвечала. Гордость, наверное. Глупая гордость. Мы так и не сказали друг другу этих слов: “Давай начнем все сначала” — хотя готовы были сказать. Лишь однажды он вызвал меня на серьезный, открытый разговор. Сказал тогда, что я единственная, кого он в жизни любил. Ругаю ли я себя, что не смогла в очередной раз простить? Да, ругаю. Это была самая сильная любовь в моей жизни. Но о чем теперь говорить?..

Дмитрий МЕЛЬМАН.